

Мѣсто выхода ея.....

Дата и № 2041

14/11 1911

В. Ф. Коммиссаржевская и Элеонора Дузе.

Трагическая женщина всецѣло уходитъ въ себя и покоряется чувству великаго. Она внѣ земныхъ граней, и потому время для нея — стѣпное мгновеніе, а смерть — жалкая игра рока. Она извѣчна въ своей красотѣ, величественна въ своей гибели и глубока, какъ бездна, въ самоутвержденіи. Какъ торжественный хоралъ, звучатъ ея послѣднія слова, а пламень любви, превратившійся въ Да и Нѣтъ въ огненные символы незатихающей трагедіи духа, не потушить никакимъ великимъ водамъ.

Въ такихъ исполинскихъ контурахъ обрисована трагическая красота Антигоны, Юдифи, Саломей и сестры Беатрисы. Поэты разныхъ временъ принадлежали къ горячимъ источникамъ этой красоты и возносили ее на высоту религиозной тайны. И тайна эта оставалась невысказанной и сокрытой въ шелковыхъ тканяхъ драматическаго вымысла, пока не коснулась ея творческая фантазія современной женщины. И пришла эта женщина изъ жизни въ театръ, безъ маски, съ жадно раскрытыми глазами, и неожиданный свѣтъ своей высшей жизненной силы она пролила на души современниковъ. Не трагическую актрису вы чувствовали въ игрѣ Коммиссаржевской, а современную трагическую женщину, которая лучами своей личной трагедіи озаряетъ драматическій вымыселъ. Поэтому все, что она играла, отмѣчено было ея личной фантазіей, и всегда она была вѣрна и покорна внутреннему голосу своей смятенной души, чувству великаго.

Я не хочу сравнивать только что закатившуюся звѣзду русской сцены съ прекрасной феей, воодушевившей Д'Аннунціо. Я ихъ видѣлъ въ разныхъ роляхъ и на разныхъ сценахъ, и слишкомъ противорѣчивыми и разными онѣ мнѣ показались въ глубокихъ проявленіяхъ своихъ артистическихъ индивидуальностей.

И тѣмъ не менѣ впечатлѣніе ихъ духовнаго родства, родственной черты ихъ творчества неотразимо. Ни Марикка, ни чеховская Соня, ни Сестра Беатриса и Юдифь, которыхъ играла г-жа Коммиссаржевская, ни Маргарита Готье и Нора, которыхъ изображаетъ Элеонора Дузе, конечно, въ объективно отличительныхъ признакахъ, не могутъ быть сравниваемы. Дитя необозримыхъ русскихъ полей и синихъ лѣсовъ и гениальная дочь прекрасной Италіи — это двѣ эпохи, два темперамента и два міровоззрѣнія, разъединенные особенностями національной культуры. И кто ярше и ярче, кто сильнѣе и глубже въ своемъ творествѣ — объ этомъ можно говорить, сохранивъ всѣ условія для подробнаго художественнаго анализа ихъ сценическихъ образовъ, но сейчасъ у свѣжей могилы В. Ф. трудно говорить. Мнѣ же хочется отмѣтить основной стимулъ ихъ творчества, неизбѣжно ведущій ихъ къ образу трагической женщины.

Къ сестрѣ Беатрисѣ Коммиссаржевская неизбѣжно должна была придти. Женщина, зачарованная дневнымъ сномъ своей юности, должна была пробудиться и стать трагической носительницей своей красоты. И посмотрите, какая бездна отдѣляетъ этотъ трагическій образъ отъ тихо настроеннаго христіанскаго сердца чеховской Соны («Надо быть милосерднымъ!.. или отъ de profundis Нины Зарѣчной изъ «Чайки»). Жизнь не убяла въ артисткѣ женщины, она только ожесточила и углубила ея скорбь. И эта скорбь уже не молитва, а крикъ опечаленной и смятенной души, потрясающей небеса. Поэтому святая изъ святыхъ сестра Беатрисса на смертномъ ложѣ, которое небо украсило цвѣтами, такъ глубоко потрясена силой

дьявола и такъ оозмѣрно несчастлива въ своемъ отрженіи отъ тихихъ ангеловъ. Въ сестрѣ Беатрисѣ артисткѣ удалось раскрыть трагедію Юдифи, пришедшую черезъ мужчину, это о князя міра. Дѣвушка стала дѣвственно мудрой женщиной, носительницей мировой трагедіи женщины. Затихли въ ней предутренніе голоса молодой, юной природы, и вознесся къ небу скорбящій вопль, такой чистый и задушевный, женщины, чьи золотыя кудри носѣдѣли отъ горя, чьи бѣлоснѣжныя ноги окровавлены и изранены на каменномъ жизненномъ пути. Эта катастрофа еще громче звучитъ въ творествѣ Элеоноры Дузе. Въ женщинѣ Дузе больше огня и силы, поэтому такъ напряженно сгораютъ въ любви ея Маргарита Готье, такъ широко и жадно раскрыты глаза ея Норы, перерождающейся въ метильномъ чувствѣ, вызванномъ увлеченнымъ самцомъ-мужемъ. И этотъ коллективный мужъ чуетъ въ женщинѣ-игрушкѣ изъ «Кукольнаго дома» трагическій переходъ къ нѣчто большому, чѣмъ мать и жена въ нашемъ быту, къ нѣчто большому, чѣмъ актриса, — къ болѣе возвышенному и сложному.

И не роль играли г-жа Коммиссаржевская и Элеонора Дузе, а себя изображали въ ней, свою душу, всю скорбь и радость женщины. И глубокой субъективизмъ ихъ игры рѣзко отличаетъ ихъ, напримѣръ, отъ торжественнаго музыкальнаго пафоса Сарры Бернаръ и отъ законченнаго реализма Савиной. Говорятъ, Савина, чтобы выдержать въ одной пьесѣ паузу, отсчитываетъ про себя такъ до 60. Если это выдумка, то похожая на правду. Савина — строго объективная художница, и чтобы въ разныхъ роляхъ быть разной и не повторяться, ей необходимо внѣшне отдѣлывать свою роль. Поэтому для нея такъ важно выдержать паузу. В. Ф. Коммиссаржевская и Дузе никогда не останавливались на внѣшнихъ деталяхъ роли, и поэтому ихъ такъ легко было узнать, въ какой бы роли онѣ не выступали. Онѣ вовсе и не заняты были ролью, а собой, уходили глубоко въ себя, чтобы высказать себя, высказать женщину, которая наполняетъ все ихъ существо. И когда Дузе хочетъ проявить силу этой женщины, она выбрасываетъ изъ «Норы» цѣлый монологъ и приводитъ сцену мимически, ибо слова безсилны раскрыть душу преображенной Норы. Такое же огромное содержаніе трагедіи женщины вносила г-жа Коммиссаржевская въ скучную и блѣдную «Волшебную Сказку» Потапенки. И трагическая женщина у этихъ артистокъ господствовала надъ гримомъ, маской и ремарками драматурга. Нельзя сказать, чтобы г-жа Коммиссаржевская, какъ и Дузе, не загоралась реальнымъ драматическимъ вымысломъ. Наоборотъ, реализмъ — существенная черта ея творчества и она не стилизовала драматурга. Но расширяя и углубляя реализмъ игры чувствомъ великаго, она доводила свои образы до всеобщаго символа. И все прозаическое и обыденное отлетало отъ этихъ образовъ, и въ красномъ кругѣ трагедіи женщины вспыхивали далекіе отблески Бэттичелли и Шекспира. Жизнь у нея становилась творчествомъ.

Ар. Муровъ.

СУДЪ.**ГОСПОДА ГАСТРОЛЕРЫ.**

(Иски къ французскому журналисту-актеру

Саша Гитри).

Интересныя подробности (бытовыя, юридическія и экономическія), характеризующія закулисныя отношенія (обыкновенно публикѣ неизвѣстныя) между антрепренерами, актерами и театральными служащими, выяснились вчера изъ 3 гражданскихъ исковъ, предъявленныхъ въ камерѣ мир. судьи 1 уч. къ закончившему недавно свои гастроли въ Одессѣ французскому журналисту-актеру Саша Гитри и его компаньону по антрепризѣ, французу Жозефу Шюрману г-жами Е. Шмукловской (организаторша и переводчица при труппѣ), И. Басовской (кассирша труппы въ Одессѣ) и одес. о-вомъ ремесленниковъ и промышленниковъ (см. вчер. № «Од. Нов.»).

Иски предъявлены были на сумму: 1) 150 руб. г-жей Шмукловской, 2) 341 руб. 45 к. г-жей Басовской, 3) 200 руб. промышленниковъ Черв.